

Serhii Plokhy

The Gates of Europe **A History of Ukraine**

New York: Basic books, 2015

Политический кризис, возникший в Украине в 2013 году и повлекший за собой крах режима Виктора Януковича, присоединение Крыма к России и масштабный вооруженный конфликт на востоке страны, не только на многие месяцы приковал к Украине внимание мировых СМИ, но и возбудил небывалый прежде интерес к самому государству. В попытках объяснить происходящее комментаторы разного уровня компетенции часто предлагали рассматривать украинские события как более или менее закономерное следствие различных социальных и культурных процессов, глубоко укорененных в историческом опыте страны. У каждого, однако, было свое представление о том, каким был этот опыт и какое наследие оставил. Разнообразие интерпретаций, взглядов и оценок создало особый спрос на экспертное знание. Мнения профессиональных историков, исследующих разные эпохи и явления украинского прошлого, оказались востребованы не меньше, чем мнения представителей других социальных наук. В то время как одни историки выступали с публи-

кациями, адресованными коллегам по академическому цеху, другие (а часто те же самые) охотно давали комментарии для массовой аудитории в интервью и авторских колонках.

“*The Gates of Europe: A History of Ukraine*”¹, новая книга профессора Гарвардского университета Сергея Плохия, увидевшая свет в конце 2015 года, является, пожалуй, самой амбициозной и серьезной попыткой последних лет рассказать широкому читателю — западному и не только — об Украине с академической позиции, но популярным языком². В своей книге Плохий предлагает широкую ретроспективу истории Украины, охватывающую две с половиной тысячи лет, от времен Геродота до наших дней, что само по себе делает “Врата Европы” важным пополнением в совсем не многочисленном ряду доступных

- 1 Перевод рецензируемой книги Сергея Плохия на русский язык выйдет в издательстве Corpus в 2017 году.
- 2 Вышедшая почти одновременно с ней в популярной оксфордской серии “What Everyone Needs to Know” книга Сергея Екельчика имеет структуру справочника и уступает работе Плохия по объему. См. YEKELCHUK S. *The Conflict in Ukraine: What Everyone Needs to Know*. New York: Oxford University Press, 2015.

на английском языке синтетических работ, посвященных истории страны³. Главная амбиция автора и основная задача его книги, как он сам признается, заключается в объяснении причин произошедшего. Что вызвало украинский кризис? Какова роль истории в этих событиях? Что отличает украинцев от русских? Кто имеет право на Крым и восточную Украину? Почему события на Украине имеют важные международные последствия? Именно на эти и другие вопросы, как дает понять Сергей Плохий во введении, его работа и призвана дать ответы. “Чтобы понять тенденции, лежащие в основе текущих событий в Украине, нужно исследовать их корни”. И даже более: история дает возможность не только “лучше понять настоящее”, но и “повлиять на будущее”, помогая “разобраться в потоке ежедневных новостных сводок” и позволяя поэтому “вдумчиво реагировать на события и, тем самым, определять их исход” (С.20).

Чтобы узнать ответы на вопросы, подсказанные современной повесткой, читателю предлагается следовать за повествованием автора на протяжении трехсот пятидесяти страниц текста. Сама линия повествования начинается, как уже было сказано, со Скифии, каковой ее описывал Геродот, “[п]ервый историк Украины”, как не без провокации называет его Плохий (С. 3). Далее рассказ переключается уже на эпоху “Великого переселения народов” и первых славян, вошедших в исторические хроники раннего средневековья. Затем следует “эпоха викингов” на Днепре — Плохий последовательно отдает предпочтение именно этому термину перед “варягами”, не только как узнаваемому для западного читателя, но и как подчеркивающему общность исторического опыта Европы и Руси, причем имена первых правителей Киева приводятся в их скандинавском звучании, в нарочитом расхождении с летописной традицией. За рассказом о становлении, расцвете и упадке Киевской Руси следует часть, посвященная периоду

монгольского владычества, с особым вниманием к Галицко-Волынскому княжеству и ожидаемо меньшим — к землям Руси в составе Великого княжества Литовского.

Плохий, специалист по раннему Новому времени, с увлечением и в деталях рассказывает о периоде Речи Посполитой и, конечно, о казачестве⁴. Именно шестнадцатый век, по мнению Плохия, стал временем возникновения особой “исторической и политической реальности”, уже тогда называемой Украиной (С. 71). Речь идет, с одной стороны, о границах, учрежденных Люблинской унией 1569 года, а с другой — о том, как интеллектуалы на службе у православных князей по-новому осмыслили вошедшие в состав Польского королевства православные земли. Свообразным воплощением этих идей в реальность можно считать созданную в ходе восстания Богдана Хмельницкого Гетманщину. Для Плохия особенно важно то, как это государственное образование входило в состав Российской империи. После его упразднения в конце восемнадцатого века осталось основательное наследие — устойчивая культурная традиция, миф о казачьей эпохе, который лег в основу украинской нации (С. 151). Вопрос “нациестроительства” является ключевым для рассказа об эпохе империй девятнадцатого века. Российская Малороссия и австрийская Галиция подаются читателю не в качестве отдельных, отстоящих друг от друга территорий — автор обращает внимание на обмен идеями и культурные связи, а также на то главное, что их объединяло: представление о том, что по обе стороны границы проживает один и тот же народ. Украинское государство, возникшее в ходе революционных событий 1917 года, оказалось недолговечным вследствие незрелости украинского национального движения (С. 226), но сам прецедент его существования во многом определил политику большевистских и советских элит в отношении украинского вопроса.

3 SUBTELNY O. *Ukraine: A History*, 4th ed. Toronto: University of Toronto Press, 2009; MAGOCSI P.R. *A History of Ukraine: The Land and Its Peoples*, 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 2010; YEKELCHUK S. *Ukraine: Birth of a Modern Nation*. New York: Oxford University Press, 2007.

4 Сергей Плохий — один из ведущих историков украинского казачества. См. его первую монографию: PLOKHU S. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Плохий осторожен в оценках наиболее дискуссионных вопросов истории Украины двадцатого века: голода 1932–33 годов и этнических чисток на Волыни в 1943-м. Он не берется судить о том, был ли голод “геноцидом”, но указывает, что он имел несомненно искусственный характер и, хотя затронул и другие регионы, на Украине являлся следствием политики с “этнонациональной окраской” (С. 254). В отношении волынского конфликта Плохий уклончиво пишет, что историки не пришли к консенсусу по поводу того, санкционировало ли руководство ООН массовые убийства поляков (С. 281). В описании послевоенной Украины в составе Советского Союза Плохий далек от черно-белого изображения позднесоветской действительности, подчеркивая, что даже в высших эшелонах республиканской власти было место для украинского патриотизма в его советской интерпретации; однако при этом автор не упускает возможность напомнить о том, что даже в наиболее “мягкие” периоды угроза репрессий по-прежнему оставалась той повседневной реальностью, с которой приходилось считаться многим жителям республики. Плохий доводит повествование до 2015 года, рассказывая о трагических событиях последних лет с позиции не только и не столько историка, сколько украинского гражданина. Эта часть книги оказывается в наибольшей степени эмоционально нагруженной. Плохий не скрывает своих симпатий — они целиком и полностью на стороне участников Майдана с их верой в европейские ценности: демократию, права человека и верховенство закона (С. 344). Кризис в Украине, вызванный в меньшей степени гражданским конфликтом и в большей — украинско-российским политическим и военным противостоянием, таким образом, предстает продуктом определенной исторической логики. Финал этого кризиса открыт, и вопрос о том, как именно он завершится, зависит не только от международной поддержки, но и от “изобретательности и решимости” самих украинцев, которых Плохий называет “четвертой среди самых образованных наций мира” (С. 345).

У Сергея Плохия получилось создать книгу, которую можно назвать одной из лучших на сегодняшний день обзорных работ, предлагающую сжатое, но максимально информативное изложение истории страны от античных времен. Автору удалось выдержать баланс между разными историческими эпохами, поэтому будут довольны и те читатели, которые интересуются Средними веками, и те, кому важнее новейшее время. Плохий использовал внушительное количество работ на английском языке (литература на других языках в книге не указана), что позволяет считать его “Историю Украины” своего рода отражением современного состояния историографии Украины. Что еще ценнее, личный исследовательский опыт историка позволяет ему с одинаковым знанием дела писать о таких разных периодах, как раннемодерная эпоха, девятнадцатый век или позднесоветский период. Политическая составляющая занимает существенное место в его повествовании, но не доминирует в нем. Культурный, социальный и экономический аспекты играют здесь совсем не вспомогательную роль.

Как и практически любая другая история большой протяженности, работа Плохия не свободна от ошибок и неточностей, неизбежно возникающих каждый раз, когда автор вынужден иметь дело с огромным массивом исторических явлений и выходить за пределы своей непосредственной компетенции. Можно указать, к примеру, на цитирование автором вымышленного, по всей видимости, письма французской королевы Анны Ярославны отцу, в котором она якобы с пренебрежением отзывалась о своей новой стране, сравнивая Киев и Париж середины одиннадцатого века явно не в пользу последнего: “В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны” (С. 39). Можно также удивиться словам Плохия о том, что Черноморское казачье войско было переселено на “Кубанский полуостров” — несуществующую географическую реальность (видимо, подразумевался Таманский полуостров, в конце восемнадцатого века и вовсе называемый “островом”) (С. 141). Можно привести и ряд других примеров; но они, конечно же, не

умалют достоинств книги в целом.

С некоторыми более принципиальными положениями автора можно не согласиться. Так, когда он пишет о последствиях для Украины революции 1905 года, значительно обострившей националистический сентимент как на окраинах, так и в центре империи, он утверждает, что “радикальный русский национализм практически заменил собой все, что оставалось от украинской самобытности среди сторонников малороссийской идентичности” (С. 198). Представление о постреволюционной реакции как о переломном периоде, знаменовавшем собой окончательный разрыв между украинскими национальными активистами и их противниками из лагеря русских националистов “малороссийского” происхождения, имеет давнюю традицию, и здесь мысль автора отражает нынешнее положение дел в историографии Украины. Однако оно нуждается в серьезной ревизии. Данная интеллектуальная традиция, которую представляли Дмитрий Пихно, Анатолий Савенко и многие другие киевские националисты этого времени, пренебрегавшие “украинской самобытностью” в целях обоснования “русскости” Украины, имела мощное влияние в культурных центрах империи, но весьма замысловато и непоследовательно преломлялась в провинции, да и не только там. Чаще всего она и вовсе имела ограниченное влияние, служа резервуаром идей, лишь выборочно черпаемых лояльными империи “малороссийскими” патриотами. В этом смысле то, что подавляющее большинство исследователей, включая автора книги, называет “малороссийской идентичностью”, даже в последнее десятилетие существования империи было явлением гораздо более “украинским” в культурном отношении, а подчас и в политическом, чем принято считать обычно.

Главной претензией, которую можно было бы предъявить к книге, является, как ни странно, сам жанр “национальной истории”, в котором она написана. Этот жанр вместе с необходимостью говорить о сложных вещах простым и понятным языком налагает на повествование неизбежные ограничения. В этом отношении история Украины не отличается от истории любого другого

современного государства, ведь государственные границы не являются некой объективной исторической данностью, а представляют собой результат действия самых разных исторических факторов: военных и дипломатических удач и поражений, эффективности действий национальных активистов и государственной пропаганды и т.д. Случай Украины отличается лишь тем, что сегодня ее границы оспариваются с помощью самого беспощадного из аргументов — военной техники. В таких условиях выбор пространственных рамок особенно важен и сложен. Интересно то, как его объясняет сам автор. По его словам, книга рассказывает об “истории Украины внутри границ, определенных этнографами и картографами конца девятнадцатого и начала двадцатого веков, которые часто (но не всегда) совпадали с границами современного украинского государства” (С. 21–22). В словах автора нетрудно заметить противоречие. В книге лишь вскользь упоминается Кубань, имевшая для тех же этнографов и картографов важное значение. Нежеланию автора выходить за пределы нынешних государственных границ Украины можно найти объяснение, учитывая остро критическое отношение книги к “этническому” обоснованию территориальных претензий и заявлению “исторических прав” на них. Тем не менее это не отменяет вопроса о том, насколько оправданно замыкать исторические процессы и события, происходившие на протяжении двух с половиной тысяч лет, в пределах того географического контура, который появился в воображении интеллектуалов *fin de siècle*.

Это же касается и концептуальных рамок работы. Как заявляет Плохий, “[н]ация является важной — хотя и не преобладающей — категорией анализа и элементом сюжета, который, вместе с постоянно меняющейся идеей Европы, определяет природу этого повествования” (С. 21). Действительно, понятие “нация” для книги служит отправной точкой нарратива, ведь именно ее “рождение” он призван объяснить. Телеологичность такого подхода очевидна, несмотря на внимательное отношение автора к изменчивости лояльностей и идентификаций местного

населения. Удивительно, но порой приверженность автора национальному нарративу обнаруживает себя там, где, казалось бы, речь должна идти о его преодолении. Так, автор пишет о транснациональном и других подходах к написанию “украинской и других национальных историй”, повлиявших на его книгу (С. 21), что, с одной стороны, выглядит как оксюморон, а с другой — служит любопытной демонстрацией подчинения транснациональной истории нуждам национальной. Призыв не использовать “нацию” — категорию политической практики — в качестве категории анализа прозвучал достаточно давно⁵, и в последнее время все большее количество историков Центрально-Восточной Европы наглядно демонстрирует, сколь много нового в понимание исторических процессов и девятнадцатого, и даже двадцатого столетий может принести выход за пределы национальной парадигмы⁶.

Итак, почему для понимания современного кризиса так необходимо обширное знание истории Украины? Развернутый ответ дается в эпилоге книги. “Российско-украинский конфликт, возникнув неожиданно и застав многих причастных к нему врасплох, — еще раз напоминает автор, — имеет глубокие исторические корни и изобилует историческими отсылками и аллюзиями”. Оставляя в стороне использование исторических аргументов политиками, Плохий выделяет три параллельных процесса, которые берут свое начало в прошлом. Во-первых, это попытки постсоветской России восстановить политический, экономический и военный контроль над бывшим имперским пространством. Во-вторых, незавершенность российского и украинского национального строительства, вновь сделавшая Украину (в особенности ее юго-восточные регионы) зоной соперничества

между двумя национальными проектами. И наконец, “борьба за исторические и культурные линии разлома”, пролегающие по Украине и позволяющие участникам конфликта представлять его как столкновение Востока с Западом, Европы и Русского мира (С. 348). Эта линия аргументации выглядит вполне обоснованной. Читатель, уже знакомый с событиями девятнадцатого и двадцатого веков, легко может убедиться в том, что происходящее сейчас действительно напоминает многое из того, что происходило прежде. Но какова природа этого сходства?

Сколько в нынешних событиях действительной, *longue durée* исторической традиции, продолжающейся в настоящем, и сколько — иной, переизобретенной традиции, мимикрирующей под историческую, но радикально новой по своей сути? Где заканчивается наследие Российской и советской империй и начинается конструирование империализма нового типа, пускай и использующего строительные блоки из старого, разрушенного фундамента? Можно ли считать “незавершенность” строительства “модерных” наций источником проблем, следует ли возлагать всю вину на идеологов и практиков “Русского мира”, или же дело в самом языке национализма, с его апелляциями к “этничности” и “нации”, и в тех, кто навязывает этот язык населению (нередко — национально индифферентному), претендуя на исключительное право представлять интересы своего “национального” сообщества и говорить от его имени? Насколько “отрезанность” России от “Запада” на протяжении “столетий” и ее вовлеченность в конфронтацию со странами Центральной и Восточной Европы (С. 353) предопределяет современное российское антизападничество? Утверждая так, не оказываем ли мы услугу этим идеям, загоняя российские интеллектуальные традиции в жесткие рамки *path dependence*? На эти вопросы не существует четко определенного ответа. Реальность, как всегда, слишком нюансирована и противится адекватному описанию как на языке, доступном массовому читателю, так и на языке социальных наук.

5 BRUBAKER R., COOPER F. *Beyond "Identity"* // Theory and Society. 2000. Vol. 29. P.5

6 См., например: JUDSON P. *Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria*. Cambridge. London: Harvard University Press, 2006; ЗАХРА Т. *Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2008; BJORK J.E. *Neither German nor Pole: Catholicism and National Indifference in a Central European Borderland*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.

Если же отвлечься от уводящих в сторону рассуждений и рассматривать *The Gates of Europe* в качестве того, чем она является — как популярную книгу, рассказывающую западному (прежде всего, североамериканскому) читателю о неизвестной стране, — то можно только порадоваться появлению качественной, взвешенной и увлекательной работы, написанной в этом жанре. Сергей Плохий не только один из самых авторитетных историков Восточной Европы, но и блестящий рассказчик, который не позволяет читателю скучать. Выход

практически каждой из его предыдущих монографий становился важнейшим интеллектуальным событием, и эта работа не является исключением. Наконец, немало важно отметить, что в настоящее время готовится перевод книги на русский язык. Это значит, что у российского читателя появится возможность иначе взглянуть на уже знакомые, казалось бы, вещи.

Александр Поляничев